

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Бауло А. В.

ЭКСПЕДИЦИОННЫЕ ЗАПИСИ ПОЕЗДКИ И. Н. ГЕМУЕВА К СЕВЕРНЫМ МАНСИ В 1986 Г.

Публикуются экспедиционные записи И. Н. Гемуева, выполненные во время его поездки к северным манси в 1986 г., а также комментарии к записям публикатора. Данный полевой материал в основном посвящен обрядам жизненного цикла манси, также приведены важные сведения о пищевых запретах, почитании семейных духов-покровителей, ряде священных мест. Подробно описан обряд на женском священном месте Аращкан у д. Новинские.

Ключевые слова: манси, обряд, жертвоприношение, погребение, сватовство, боги.

Десять лет прошло со дня ухода из жизни Измаила Нуховича Гемуева, известного российского этнографа, изучавшего самобытную культуру самодийцев и обских угров. Его книги по-прежнему востребованы, их читают, на них постоянно ссылаются. Но остался большой пласт экспедиционных материалов – дневников и фотографий, которые содержат подчас уникальные неопубликованные данные по материальной и духовной культуре селькупов, хантов и манси.

К манси И. Н. Гемуев совершил шесть экспедиций – в 1983–1986, 1989, 1990 гг. Значительная часть экспедиционных материалов опубликована (Гемуев, Сагалаев, 1986; Гемуев, 1990; Гемуев, Бауло, 1999); с комментариями издан и полевой дневник И. Н. Гемуева за 1984 г. (Гемуев, 2012).

Летом 1986 г. Приполярный этнографический отряд продолжил работу в Березовском районе ХМАО. Работа проводилась в бассейне Северной Сосьвы поселках Верхнее Нильдино, Сосьва, Анеево, в деревнях Новинские (Лапорская протока) и Верхние Нарыкары (р. Малая Обь). В составе отряда работали И. Н. Гемуев, художник Б. В. Крюков, механик экспедиционного катера А. И. Логинов (он же выполнял функции фотографа). Материалы экспедиции, посвященные религиозно-обрядовой практике манси, опубликованы (Гемуев, 1990); записи, касающиеся вопросов материальной культуры и обрядов жизненного цикла, не публиковались.

Сохранилась первая тетрадь, материалы которой в значительной степени отражают вопросы мифологии и религиозно-обрядовой практики северных манси.

Вторая тетрадь на сегодняшний день утеряна. Обнаружены только карточки, на которые из этой тетради рукой И. Н. Гемуева была переписана информация (она объединена им тематически), касающаяся некоторых сторон обрядов жизненного цикла, пищевых запретов, священных мест и пр. Записи в тетради были совершены не менее чем на 72 страницах, скорее всего, самим Гемуевым, но часть из них, вероятно, принадлежала Б. В. Крюкову. Карточки пронумерованы, судя по нумерации, часть карточек тоже утеряна.

В квадратных скобках курсивом даны смысловые добавления автора публикации, комментарии сделаны в виде подстраничных сносок. Название тематических разделов принадлежат И. Н. Гемуеву.

Приполярный этнографический отряд. 1986 г. Тетрадь № 2

Роды, кормление, воспитание

Новинские, Китаева Зинаида Михайловна

Ее сестра Надя (младшая) родила. На утро мать – Палашка – сшила берестяной туесок (*пукни совт*). Мать положила в туесок пуповину и послед, а Зина и Мария Павловна (родственница) повесили его на кедр. Мария Павловна перерезала пуповину и называется для Нади *пукни анка* (вторая мать) и Зина тоже для сестры – *совт анка* (но не числится, видимо, официально), а Мария Павловна Неттина – *совт анка*. Она повесила [*туесок на кедр*], а потом прочла молитву, чтобы девочка была здорова, росла нормально, чтобы не брали ее болезни.

На вышку¹ женщинам нельзя (когда еще без месячных девушка ходит, то можно, сколько хочешь лазить).

Бабушка за угол дома не может пройти, боится богов, которые на крыше сидят, могут стрелу невидимую пустить – заболеешь или кто-нибудь умрет. И мать – Полина Семеновна боится. Когда нашкодим, бывало, мы за дом прятались. Им туда нельзя².

Новинские, Шесталова Ольга Наумовна

Женщина живет в *маньколе*³ три месяца. Еду носят мать, муж, и сама готовит. Интерьер *манькола* – чувал, столик, нары или оленья шкура на полу. Мужу все равно, кто родится, лишь бы душа жива была.

После родов ставят *пупам*⁴ угощение и приклад. Имя ребенку давали сообща – отец и мать.

Малыш до трех месяцев на правом боку лежит, на оленьей шкуре, затем кладут в *ану*⁵ – *ити ана* – вечерняя, ночная *ана*. Орнамент мог быть геометрический и с птичкой. Кто умеет, тот и сделает. *Ану* делали из бересты – мать или тетка.

Обычно кормили [*грудью*] до трех лет. Подкормка – рыба – хвостик, утка – лапка, иногда и говядину несоленую дашь.

До появления у младенца зубов в *ану* клали спички, нож, топор; булавку застегивают на груди ребенка, чтобы не сглазить. Делали это молча, «чтобы не забыть». Раньше шили *ялпын-улама*⁶. «Боги водку любят».

Были случаи, когда девушки с ребенком оставались (соседи осуждали), отец в дом не пускал. Сейчас бабки смирились – сейчас одиноким деньги платят.

Раньше нельзя было выходить замуж за человека другой национальности, сейчас с удовольствием.

Новинские, Тынзянова Надежда Андреевна (51 год)

Нявре ончес – родила.

Женщина три месяца сидит в *маньколе*, раньше этого ее [*домой*] не пускают. *Поры*⁷ – праздник делали. Собирались все взрослые, когда ребенок родится. Крестные были.

Та, что помогает роженице, – *алт-анк*. *Анк* – вторая мать (может быть и молодая, и родственница). Она ребенка укладывает в дневную *ану* – *зыр хотан ана* – солнечная (дневная) *ана*; *ити ана* – ночная *ана*.

В *ану*, которую делали из бересты, клали гнилое дерево (красное, тальник, мягкое), чтобы моча не стекала. Тальник применялся как присыпка и для ребенка, и для *аны*. Это каждый раз меняли.

Во время менструаций женщина также находилась в *маньколе*. Подкладывали тальник (стружку), перед выходом мылись в *маньколе* (или иногда в бане) и окуривались паром (нагретый топор клали в таз с водой, настоянной на чаге).

Чтобы уберечь ребенка, его нельзя было одного или ночью надолго оставлять.

Оц хатас – родила. *Рудитас* – роды (заимств. из рус.).

После родов пуповину и послед заворачивают в чистую тряпку, обертывают берестой, завязывают веревкой (делают *хинтик* из бересты), вешают на дерево. Больше не ходят. Только тогда, когда снова родят – в то же место вешают. Одно дерево для всех (Ольга Наумовна покажет). Женщина после родов должна была ходить в туалет голая, босая (и зимой, и летом).

¹ На чердак.

² Задняя стена дома считается у манси священной, эта зона запретна для женщин.

³ *Манькол* – маленький домик, в котором женщина находилась в период месячных и родов.

⁴ *Пупыг, пубы* – духи-покровители.

⁵ *Ана* – люлька.

⁶ *Ялпын-улама* – священная одежда, название жертвенного покрывала.

⁷ Жертвоприношение.

Рожали так: ставили две палки, третья поперечная. Стоя на коленях, она опиралась на третью. Легче рожать лежа. Бабки раньше заставляют на палках рожать, на постеленную солому. Много было простуд (голыми ходили), многие умирали. В 1950-е гг. мать говорила, что нам не надо соблюдать *манькол*.

У маленьких (еще беззубых) было особое кладбище. В землю закапывают, а на Сосьве на дерево ставят (черви едят, вонь такая).

Анеево, Пеликова Анастасия Григорьевна (57 лет)

Апа – берестяная колыбель, одинаковая и мальчику, и девочке, предназначена и для сна, и для бодрствования.

Когда родится ребенок, не важно какого пола, то на крышу, *пупыгам* несут платок с копейкой, шкуру соболю.

Айкем – девочка, *пыкем* – пацан (мальчик). *Ома* – мама, *Щань* – мама для всех.

Ребенок сосет грудь 3–4 года, а мой внук до 5 лет все просил.

*Иттерма*⁸ не делала (у мамы были, она их в лес утащила).

Анеево, Гоголева Елена Филипповна (65 лет)

Родила 4 детей в большом доме и в больнице. Отец не разрешал в *маньколе*.

При отце и матери были *пупы*. В войну мы сами «походили на *пупы*».

Апа – колыбель из бересты и для мальчика, и для девочки. Ребенок мог и лежать, и сидеть.

Щань – мать, Пресвятая Богородица.

Анеево, Гоголева Прасковья Ивановна (80 лет)

Манькол – маленький дом для рожениц. Женщина приходила туда за неделю до родов. Бабушка проверяет, еду носит, да и сами варят в чувале. При родах мужа не пускали. Роженице помогает бабушка, она же обрезает пуповину.

Чтобы облегчить роды, фетишу (*пук щань*) приносили *сахы*, платье, платок.

После родов [*женщина*] жила некоторое время в *маньколе*, потом заходила сама в большой дом.

Для отца ребенка безразлично, кто родился – мальчик или девка, всякому рад, любит.

Сначала младенец лежит на оленьей шкуре, затем, когда он уже немножко сидит, мать шьет ему из бересты *хотл апу* (сидячая и полусидячая), которую подвешивали на крюк к потолку и раскачивали. Если ребенок не спит, то руки его не пеленают.

Анеево, Моница Домна Федоровна (60 лет)

Меня мать в *маньколе* родила. Она рассказывала, что меня возили в Сартыню⁹ крестить.

Анеево, Гоголева Матрена Николаевна (62 года)

Раньше рожали в *маньколе*. Уже до войны их не стало в нашей деревне, примерно к 1933 г.

Муж ходит в *манькол*, еду таскает, посидит там, каждый день.

Первые сутки другая женщина грудью кормит ребенка. Кормит она до тех пор, пока у матери молоко не появится.

Женщина не выходит из *манькола* в большой дом полтора месяца (40–45 дней), однако оказывает посильную помощь – за водой ходит и дрова занесет.

Перед переходом в большой дом женщина должна была очиститься. Поджигала чагу в чувале, в нем же раскалялся камень или старый топор, который затем накрывали мокрой тряпкой, чтобы пар шел. Надымится, надышится и тогда приходит в дом. Бывало, что очищались и дома. В *маньколе* был чувал и нары, покрытые оленьей шкурой.

Делали пуповинный *совт* – берестяной короб, в который клали завернутые в чистую тряпку пуповину и послед, сверху накрывали берестой, веревкой крест-накрест перевязывали и вешали на дерево. Это место специально не посещали.

⁸ *Иттерма* – временное вместилище души умершего.

⁹ В Сартынье находилась церковь.

Свадьба, избегание

Анеево, Мони́на Домна Федоровна (60 лет)

Раньше, если родители не разрешали жениться, то убегали. Приданое было – подушки, платок. Девушку с ребенком брали замуж, ничего.

Анеево, Ендырева Анна Андреевна (77 лет),

Рукова Улья́на Давыдовна (54 года)

Парень ходит с косами (по пояс), у невесты две косы до пят (разноцветные, на конце клубок с железом – против сглаза). Воровали невесту. Неделю ищут (убегали в лес). Если только друзья принесут еду. Через 2–3 недели, а бывает, и раньше, выходят, идут мириться к родителям. Сколько отец запросит с жениха, столько он и дает – 2–3 оленя.

Стол хороший делали (мясо, рыба). Колыбельного стговора не было. К священнику не возили. Богов не надо было кормить, живым бабушке и дедушке дарили материал, платок шелковый. Шамана не было (раньше был – не помнят).

С парнями дружили, а спать не спали. При месячных и при родах женщины жили в *маньколе*.

Избегания: от старшего брата, от свекра, деверя, дедушки закрывали лицо платком. Всю жизнь закрывались, а разговаривать можно. Прасковья Ивановна первая у нас платок сняла, женщины говорили: болеть будет.

В году 1928 муж Ульяны снял с нее платок. Дедушка сказал: «Как тебе не стыдно, Давид», – и отвернулся.

Раньше не было девушек с ребенком. Не разводились. Мужья не пили и не били, на нарах спали. Отец девушки дает за нее лошадь, корову, оленя.

«Погано дело» – о времени зачатия. *Маньколов* в селе нет.

Гоголева Матрена Николаевна (62 года)

При старике свекре женщины закрывали лицо и *ваи* не снимали (только ночью, да и при условии, что свекор спит), с голыми ногами при старике не ходили и закрывались (от свекра, от старших мужчин, от дальних родственников, а от младших братьев не закрывались).

Помню, когда мне лет шесть было, привезли на нартах, закрытых сукном, невестку. Она лежала в нартах. Ее ввели в дом и посадили отдельно за сукно. Целый день сидела, только муж заходил.

Пища, запреты на употребление рыбы

Анеево

Ендырева Анна Андреевна (77 лет)

Женщины не резали ни щуку, ни налима. Домашние им сварят, потом и сама съест.

Сырое лосиное мясо нельзя есть ни мужчинам, ни женщинам.

Гоголева Прасковья Ивановна (80 лет)

Рыбу и мясо оленья можно, а мясо лося нет (при родах в *маньколе*).

Сама охотничала с «центральной», когда мужа на последнюю войну взяли. Перед этим он меня научил охоте.

Мяса нельзя было есть в некоторые месяцы. В *маньколе* женщине можно есть рыбу и оленину, а лося нет.

Рукова Улья́на Давыдовна (54 года)

Щуку, налима старухам нельзя. Им режут и варят, а они едят. Настасья Кирилловна не режет щуку.

Тозём-нёвль (длинные пластины резали), на вышку вешали, ветром сушат.

Другой способ – засаливали и клали в деревянную бочку: отмочка мяса от соли – *виттен пинг* (отмачивали больше суток, каждые 2–3 часа меняли воду).

Совлал нёвль – соленое мясо. *Тёзен нёвль* – вяленое мясо. *Миль ти нёвль* – свежее мясо.

Гоголева Матрена Николаевна (62 года)

Если [*рыба*] не в святом месте поймана, то женщина могла всякую рыбу есть. Ляпинские *няр-хулом*¹⁰ не едят щуки. Когда месячные, то сосвинские женщины даже налима вареного не едят.

Челданова Зинаида Григорьевна

Мясо – *нёвль*. Летом в ветреный день вялят маленькими кусочками, чтобы зимой отварить или пожарить на печке, можно с мукой сварить.

В Вороний день – *Щаньха витол* – в лесу забивают маленького оленя, варят и едят. Сама не бывала.

Погребальный обряд

Анеево, Гоголева Прасковья Ивановна

Иттерма делают, когда человек умрет, шьют платье, *саху* маленькие. Ставят в угол, стоит 3–5–6 лет и вообще, сколько захотят. Когда захочешь, сошьешь еще, надевают на старое. *Иттерма* – это кукла. Огонь, лампу не ставили.

Новинские, Шесталова О. Н.

Кладбище – *савын кан*. Могила – *толох па*.

Покойника обмывают женщины. Тем, кто «моет», дают от покойницы платок или платье, или *няры*. Иногда специально приглашали обмывальщицу.

На второй день дедушка делал гроб. А пока покойник лежит на койке, на досках. Положено хоронить на третий день.

Либо мужчины на руках или лошадьми везут на кладбище. Зимой на нарточках. Могилу роют мужики. Глубина могилы около двух метров. И женщин, и мужчин закапывают одинаково глубоко.

Женщину одевают в новые платья – штуки 3–4, если надевают *тур сахи*, то три платья. Мужикам надевают по три рубахи, костюм, пальто. А некоторым в гроб кладут.

Деньги в могилу не бросают. В руки покойнику дают 1 рубль («может быть, у него на земле долг остался, на том свете заплатит»).

Раньше гроб совсем не обшивали. Сейчас некоторые обшивают черным или красным ситцем, сатином – у кого есть.

На могилу стол поставят, доски положат. Когда столбики у стола сгниют, тогда могилу совсем задавит.

Ограду ставили иногда сразу, а иногда и позже.

Покойников боятся – есть которые злые, которые есть добрые.

На кладбище сразу поминают (хлеб, рыба, бражка, вино). Чагой не окуривают. В доме делают поминки (варят, что есть, ставят брагу, вино).

На третий день ходят на кладбище (брагу ставят, огонек топят маленький). На 14-й день на кладбище ходят и мужчины, и женщины, а потом дома поминают, и на 25-й день ходят на кладбище, там ставят и дома поминают.

Женщин поминают на 40-й день, а мужчин на 50-й день. Душа целый год держится. Год будет она, потом совсем уйдет. Душа уходит в *яхм щарах* (в *оксан*).

На 40-й день убивают теленка, корову, жеребенка у дома (для женщин). Тоже делают на 50-й день для мужчин. Шкуру вешают на крышу. Сразу варят и едят голову, печень, сердце, остальное в другие дни, каждый день, пока не съедят.

До одного года душа будет находиться недалеко от дома.

Когда человек умрет, делают палочку – *хоталт* (счет дням) и каждый день делают зарубки до 40-го или 50-го дня.

Мать покойного срезала клочок волос и держала вместе с палочкой в туюске. Делали из этих волос куколку. Хранили четыре месяца для женщин и пять месяцев для мужчин, затем сжигали.

¹⁰ Способ употребления в пищу сырой рыбы.

Когда пройдут 40-е или 50-е дни, в угловатик¹¹ кладут глаза жертвенного животного, ставят спиртное.

В годовые поминки жертвоприношений кровавых не делают, так ходят на кладбище.

Пока покойник в доме, нельзя было шить, вязать, стирать, а еду можно готовить.

На 40-е или 50-е поминальные дни одежду носили на левую сторону – *пес игли* (*нащ нанку*).

Новинские, Китаева Зинаида Михайловна, 23 года

Раньше бабки говорили, что если сразу ограду [*на могиле*] не сделали, то и не надо ее делать. Ограда из жердей – *сир*. Кладбище – *савын ма* (*савын кан*).

В гроб покойнице клали платья и ее одевали в те [*одежды*], которые ей нравились, которые она таскала (платки, юбки).

Гроб спустили, доски положили, а на доски у изголовья еду, питье поставят. Тут же поминают (чай делают из чаги или из заварки, воду, соки, если нет спиртного).

Покойник ночь переночевал на кладбище, к нему идут с едой и спиртным, так же и через 9, 14, на 40-й день, в годовщину, а потом каждый год.

В день похорон на поминках в доме ставят вино, еду (хлеб, рыбу, мясо). На печку или в угловатик – *сампатта* – только спиртное. Потом достают.

Если на печку ставят спиртное, то 3–4 ложки льют в огонь для матери огня – *арац* – чтобы не угас огонь никогда, и так же поступают в каждый поминальный день.

Человек умирает, и в тот же день берут палочку, делают заметки каждый день. Мать у себя отрезает волосы с затылка и у покойника небольшой клочок волос, обматывает тряпкой, делает куколку. Кладут в туесок и волосы, и куколку.

Ножом на палочке делают зарубки сначала до 40 дней, далее до одного года. В год сжигают [*куколку*] на берегу или в лесу. Берут спиртное, помянут.

У женщины справляют 40 дней, а у мужчин 50 (закальвают теленка, жеребенка, овечку).

В Игриме для поминок родственницы – на 9-й день закололи [*животное*] (значит, дух ее ушел).

На 40-й день уходит женский дух из дома, на 50-й – мужской.

Шкуру животного вешают на крышу. Глаза (жеребенка, бычка) кладут в угловатик.

Какое животное попросит покойник у родственника во сне, такое и закальвают.

Яйца бычков варят вместе с головой, печенью, почками, сердцем (кишки не берутся). Жеребьячьи яйца не годятся для варки. Раньше, когда русские кастрировали лошадей, то они яйца жарили.

На 40-й день чем-то сладким и съедобным (сгущенка, повидло) мажут углы избы (четыре угла), а 5-й угол (дверной проем) остается открытым, чтобы дух мог зайти. Для мужчин делается также на 50-й день.

Духи-покровители

Новинские, Шесталова О. Н.

Личный *пубы* Ольги Наумовны – *Калтац-эква*, женщина-*пубы*. Находится в Мулигорте¹². Все люди съезжаются к ней, кладут платки (можно большой); она была [*на священном месте*] в июле 1985 г., два платка маленьких сделала.

Нэмта – игольница.

Манколицека – это тот же бог для женщин, роженицам помогает, ребятишкам помогает на свет родиться.

Про персонажей *Арацкан* знает ее бабка в Ванзетуре.

– Измаилушка! Там, где ты лазил с Колькой за сундуком, я поставила рюмку водки и воскурила чагу, затем долго молилась.

¹¹ Берестяная коробка с загнутыми углами.

¹² Речь идет о священном месте *Калтац-экви* около Мулигорта на Оби.

Потом мне¹³ сказала: Женщинам нельзя смотреть, ослепнешь. Молилась я богу русскому, я крещеная. Когда ты закончил обзор сундука, молилась, закрыв лицо платком еще дольше.

Новинские, Шесталов Николай

На чердаке злая богиня – *Тайт-котиль-эка. Ас-талях-ворн* (злой)-отыр.

Колино имя – *Мика сойка*. Людино имя – *Нярснэ эка*.

Дядя погиб, а я воскрес¹⁴.

Новинские, Китаева Полина Семеновна

В комнате в левом углу туесок – *маньклощека* или *совт-анк. Манькощек* – маленькая женщина, младшая сестра матери земли. Ей дают *арсыны*¹⁵, добавляют тряпочки.

В туеске – *арсын* с медной копеечкой. Положили два года назад, и шелковый платок с медной монетой.

Когда убивают скотину, выносят *пуни тотан* (чемодан, где хранятся документы, письма, платки новые, *арсыны*).

В угловатике на верхней полке стоят три стеклянные банки (трехлитровая посередине принадлежит Полине, а по бокам ее – однолитровые – теткин). В них платки, *арсыны*. В 1970-е гг., когда семья переходила из другой половины дома, банки эти перенесли.

У Полины Семеновны (родилась в Лапарске) хозяйин *Полум-ойка*, у Зины (ее дочери) – *Ялпус-ойка* (покровитель медведь), у Нади (ее дочери) – *Халей* (чайка). У каждого человека голова отдана кому-то¹⁶.

Новинские, Китаева З. М.

У Зины хозяйин – *Ялпус-ойка* (бог в облике медведя). У нее заболел мальчик. Если *Ялпус-ойка* не захочет, то он приведет душу мальчика обратно (когда-то мать умерла и забрала душу) и за это ему закалывают оленя, теленка. Когда ребенку было два месяца, он начал задыхаться. Зинин дядька – Степан Семенович из Ванзетура – полез на крышу¹⁷ и увидел, что у *пубы* мужчины нет шапки (в стороне валялась), а у *пубы* женщины не было платка. А сундуки были закрыты. Дядя их одел, посадил на места, и как будто мальчик поправился. А еще через два месяца у ребенка понос открылся. Нельзя было спасти.

Зине нельзя чокаться стаканом бражки, так как у нее несчастье (ребенок умер).

Когда пойдешь по ягоды, немного наберешь или сразу располагаешься на земле. Можно костер не разводить. Просто разложить пищу, за щеку (за губу) махорку, смешанную с пеплом чаги закладывают, а кто папиросы курит, кладут возле еды и говорят: *Ма ёхны, Вит ёхны махум, маен мана вын сал тил* (Водяные, земляные духи, дайте нам побольше ягод).

Священные места

Д. Анеево

Пурлахтын-цахл

В 20 см от кедр № 1 – кедр № 2 и идол № 2: объемное антропоморфное изображение из куска цельного ствола. Верх головы плоский, лоб навис, прямой выступающий нос; элементы лоб-нос – Т-образные. Эллипсоидной лункой глаза выделена шея, тулово не обработано.

Третий комплекс. От *сумьяха*¹⁸ на север 7 метров, на запад – 2 м 40 см, между двух кедров приклонен идол высотой 1 м 40 см. Плоскоголовый, объемный, лоб нависает, лоб и нос Т-образные; нос прямоугольный, глаза – эллипс, брови из двух полудуг, рот – лук, подбородок скошен вперед, шея не выделена, плечи скошены, нижняя часть трактована скошенными боками изваяния.

¹³ Гемуеву.

¹⁴ Душа дяди возродилась в Николае.

¹⁵ Куски жертвенной ткани.

¹⁶ Речь идет о том, что при рождении с помощью гадания ребенку определяли личного духа-покровителя.

¹⁷ Имеется в виду: на чердак.

¹⁸ *Сумьях* – амбарчик.

Маньколщек – по Сосьве Бог один, а веры разные (у обских и сосьвинских). *Мис-нэ* – лесная, добрая фея. Ходят в это место осенью, а сейчас я боюсь.

И черные тряпки можно (выбирает *арсыны* из мешка), просит 1-, 2-, 3-, 5-копеечные монеты.

Пришли на место. Были: Ольга Наумовна Шесталова, сын ее Колька, дочь ее Люда, Пелагея Семеновна Китаева, ее внуки (двое), да нас двое (Измаил и я²²).

– С весны, когда мы с Полей были, здесь не было никого, одни лошади ходили (О. Н. Ш.).

Березовая роща среди ив. Стоят шесть берез в разноцветных *арсынах*. Полина Семеновна сдирает бересту. Люда чистит рыбу, Коля делает костер. О. Н. разжигает в миске спичками чагу, будет делать *сэни* (окуривание чагой). На столе *сэни* будет дымить все время.

Главный бог – *Луи-ойка*, северный бог. Для него четыре березы.

Асенкер-ойка – бог, помогающий от коросты, прыщей, одно дерево.

Тяк-эка – бог огня, бабушка огня. «Когда уходить будем, тогда повесим *арсыны*, а сейчас приготовим их» (положила на столик).

Это земля – *Луи-ойки*. Барана забивали. Девушкам нельзя на место жертвоприношения барана, нам-то²³ можно.

Затем О. Н. попросила Измаила поставить флягу водки для *Луи-ойки*, и сама поставила брагу на столе рядом с хлебом, маслом, конфетами, печеньем.

– Нельзя сюда без браги, так как если ее нет, так он видит, что нет.

Положили медные деньги на стол. На столе стоят открытые наши фляги с водкой и бражкой. Полина разделяет *няр-хул*.

У костра кружка с водкой, кружка с брагой. На столик кладется *няр-хул*.

На расстоянии двух метров от столика стоит в новой одежде Палашка, Ольга передела платок. Готовятся к молитве, поклонам, подошли к главной березе (*Луи-ойке*).

Говорит молитву О. Н., слегка раскачивается в поклоне. Пока А. И.²⁴ фотографировал, она постоянно кланялась.

– Весело нам, песни поем, танцуем сами с собой. Бог, приди, пускай он подходит. Это «веселое место», место огня.

Арацкан – кострище, *Тяк-эка* – огонь костра.

– Надо по солнцу крутиться по одному разу, и у *Луи-ойки*, и у огня. Затем снова поклоны и Палашка кланяется. О. Н. переодевается в новое *тур сахи*.

У *Асенкер-ойки* также кланяются.

– Сейчас голову клоним, жить будем.

В это место ходили, когда комара меньше. Полина куда-то удалилась, О. Н. позвала Кольку, заставила снять шапку, рядом с собой поставила, оба кланяются, тут и Полина подросла. Поклонились все. О. Н. взяла от костра две кружки с водкой и брагой. Кланяясь, отпивает, за ней Полина, которая ставит водку на столик.

О. Н. вылила бражку в огонь.

– Кто не шаманил, тот не пьет (Колька).

– Сейчас выпьем, за стол сядем (О. Н.)

Мы перед этим ходили, искали деревья, где якобы весной висели шкуры (Люда ходила за черемухой, 3–4 шкуры видела). Но не нашли. О. Н. сама пошла искать это место, где они повешены. – Мне-то можно, я старушка. Увидели только веревку довольно высоко на березе, где висела шкура, видимо, упала.

– *Пус кат, пус лайил*, – Пусть будут руки-ноги целы²⁵.

²² Запись Б. В. Крюкова.

²³ Бабушкам.

²⁴ Фотограф А. И. Логинов.

²⁵ Один из популярных тостов у манси.

– Югу всегда кланяются.

Уху (навар) вылили из котла *Луи-ойке*, достался нам один сырок вареный. На нашем столе вареная рыба, *няр-хул*, хлеб, водка, бражка (на целлофане). Пьем и закусываем по кругу. О. Н. оставляет рыбу здесь, остальное забирает.

– Тушить костер с чагой не надо. Сейчас повесили свой товар (*арсыны* завязывали повыше остальных на три узла – для *Луи-ойки*).

О. Н. говорит огню, что они еще придут, если живы будут. Взяла живой огонь из костра в миску с чагой, потом затушила и поставила на столике.

– Когда уходим, голову клоним.

На обряде *Арацкан* Шесталова О. Н. рассказала *мойт* (сказку), по-мансийски записывала ее дочь Люда, она же впоследствии и перевела.

Как мужчина съел максу налима

Жили муж с женой. Долго или коротко жили. Муж ездил ставить запоры на налима. Налима привозил жене домой. Жена варила налимову уху. Муж садится есть налимову уху, а налимовой максы нет. Сколько раз не варила жена уху из налима, а максы не было. Жену спрашивает муж: Куда деваешь налимову максу?

Муж рассердился и говорит: Переедем в другое место жить (летнее, на рыбалку). Собираются, вещи на берег перетаскивают, на лодку. А какой-то мешок жена не дает ему нести. Подошли к берегу, муж схватил мешок и выбросил в воду. Мешок с шумом упал в воду и раздался «бух!». Из мешка показался мужчина, который съедал максу налима – по усам текло масло.

Жертвоприношение

Новинские, Китаева З. М.

Йир – закалывается жеребенок, бычок в честь далеко живущих родственников, чтобы они не забывали тех, кто закалывает, чтоб у них было все нормально, чтобы заключенный вернулся из тюрьмы.

Животному перерезают глотку, чтобы вся кровь вышла, становятся лицом к югу (только мужики) и кричат 7 раз: А-а-а-а-а-а-а!

Затем в дом зайдут, выпьют, посидят, поговорят, пока животное не охладет, затем обдерут, сварят в котле печенку, сердце, легкое, голову.

Шкуру на три дня вешают на жердь на крышу. Через три дня съедается остальное мясо.

Когда закалывают животное, глаза завязывают ему белой материей и по лбу [*бьют*] топором. Эту белую тряпку затем вешают на угол (внешний) избы, на третий день уносят на крышу. Куда дальше кладут – не знаю.

*Йир*²⁶ делался за домом (а не перед крыльцом) – *кол сам матта* – место *йира*. У каждого дома было свое священное место. На время *йира* женщинам туда не позволялось подходить. Но женщины подходили на дозволенное расстояние, чтобы очистить кишки жертвенного животного от «навоза». А мужики могли пересекать как угодно.

Список литературы

Гемуев И. Н. Мироззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.

Гемуев И. Н. Дневник Приполярного этнографического отряда Института истории, филологии и философии СО АН СССР 1984 г. / подготовка к печати, предисл. и примеч. А. В. Бауло // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. Вып. 10. С. 381–407.

Гемуев И. Н., Бауло А. В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 240 с.

Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культурные места XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1986. 190 с.

²⁶ Кровавое жертвоприношение.

Бауло А. В., доктор исторических наук, заместитель директора по научным вопросам.

Институт археологии и этнографии СО РАН.

Пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, Россия, 630090.

E-mail: bau194@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 20 апреля 2015.

Baulo A. V.

NORTHERN MANSI 1986 FIELD NOTES BY I. N. GEMUEV

The paper presents the field notes of I. N. Guemuev made during his trip to the Northern Mansi community in 1986 and the comments of the author. The field data mostly describe the ceremonies of the Mansi life circle but also include the description of diet restrictions, worshipping the family's guardian spirits, some sacred places. The ceremony held at womens' sacred place Araschkan in the village of Novinskie is described in detail.

Key words: *Mansi, ceremony, sacrifice, burial, matchmaking, spirits.*

References

Gemuev I. N. *Mirovozzreniye mansi: Dom i Kosmos* [Worldview of Mansi Home and Space]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990. 232 p. (in Russian).

Gemuev I. N. *Dnevnik Pripolyarnogo etnograficheskogo otryada Instituta istorii, filologii i filosofii SO AN SSSR 1984 g.* (Podgotovka k pechati, predisl. i primech. A. V. Baulo) [Diary of the Circumpolar Ethnographic squad Institute of History, Philology and Philosophy of the Academy of Sciences of the USSR in 1984 (Preparation for printing, foreword. and notes. A. V. Baulo)]. Hanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo [Khanty-Mansi Autonomous Area in the mirror of the past]. Tomsk, TSU Publ., 2012, no. 10, pp. 381–407 (in Russian).

Gemuev I. N., Baulo A. V. *Svyatilishcha mansi verkhov'ev Severnoy Sos'vy* [Sanctuary of the headwaters of the North Sosva Mansi]. Novosibirsk, Izd-vo IAEt SO RAN Publ., 1999. 240 p. (in Russian).

Gemuev I. N., Sagalaev A. M. *Religiya naroda mansi. Kul'tovyye mesta XIX – nachalo XX v.* [Religion of Mansi people. Religious places of XIX – early XX century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986. 190 p. (in Russian).

Baulo A. V.

Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy.

Pr. Akad. Lavrent'eva, 17, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: bau194@ngs.ru